

НОННА
БЕСПАЛОВА

ПОД НЕБОМ
ИТАЛИИ

Нонна Беспалова
Под небом Италии

«Издательские решения»

Беспалова Н.

Под небом Италии / Н. Беспалова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905151-6

В этой увлекательной любовной драме с детективным сюжетом двое супругов отправляются в Италию, в путешествие, о котором мечтала жена, но именно там давно назревавший между ними конфликт приводит к тяжёлой ссоре. Неожиданно они попадают в ситуацию, угрожающую их жизням. Опасность сплачивает супругов. Они возвращаются в Россию, готовые бороться и победить в неравной борьбе, но неизвестно, устоят ли их отношения в столкновении с выплывшей на поверхность неприглядной правдой об одном из них.

ISBN 978-5-44-905151-6

© Беспалова Н.
© Издательские решения

Содержание

2012. Москва. В Шереметьево	6
1988. Москва. Первый брак Тани. Встреча с Павлом	8
2012. Флоренция. Аэропорт	10
1991. Москва. Встреча с Таней	11
2012. Флоренция. Таня отдыхает	12
1991. Москва. Поездка в усадьбу Архангельское	13
2012. Флоренция. Разговор с администратором	14
Москва. 1991. У Тани	15
2012. Флоренция. Первая прогулка	16
1991. Москва. Предложение руки и сердца	17
2012. Флоренция. Площадь Сеньории	18
Москва. 1991. Путч	19
2012. Флоренция. Дом Данте	20
Москва. 1992. Рождение дочери	21
Флоренция. 2012. В ресторане	22
1994. Москва. Неожиданная встреча	23
Флоренция. 2012. В ресторане	25
Москва. 1995. Что делать?	26
2012. Флоренция. Первая ссора	27
Москва. 1994. Свидание с Виктором	28
2012. Флоренция. На ступеньках ресторана	30
1987. Москва. Павел и его первая жена	31
2012. Флоренция. Танцы на площади	32
1989. Москва. Павел и его женщины	33
2012. Флоренция. Галерея Уффици	34
Москва. 1994. Объяснение	35
2012. Флоренция. Что происходит?	37
1994. Москва. Как больно!	38
Флоренция. 2012. Отдых	39
1994. Москва. «Бес попутал»	40
Флоренция. 2012. Дуомо	41
1995. Павел. Опять Валя	42
2012. Флоренция. Уличный базар	43
Москва. 1995. Прощай программирование	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Под небом Италии

Нонна Беспалова

С благодарностью моему мужу Володе и моей подруге Римме за их терпеливое чтение и редактирование моих текстов

© Нонна Беспалова, 2018

ISBN 978-5-4490-5151-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2012. Москва. В Шереметьево

В этот раз они решили, наконец, посмотреть Италию. Муж уставал на работе и предпочитал «лежачий» отдых «ходячему». Каждый раз осенью они намечали себе очередной тур по Европе, потом Паша начинал ныть и они опять оказывались в Марокко или в Тунисе на неделю «all inclusive». На своё сорокалетие Таня отстояла Париж, друзья заманили в Испанию, да ещё несколько Пашиных командировок в Вену и во Франкфурт-на-Майне – это всё, что они видели в Европе, и вот, наконец, Италия. Флоренция и Рим. Четыре дня во Флоренции и пять в Риме.

Как всегда, они приехали в аэропорт за три часа до вылета. Первые несколько лет совместной жизни Таня пыталась уговорить мужа вызывать такси за два часа до вылета, чтобы прибыть в аэропорт за полтора, но Павел начинал сходить с ума за час до прихода такси, и если, не дай бог, машина не появлялась вовремя, то сначала обрушивался с упрёками на Таню, потом – на диспетчера компании такси. Однажды они на пути в аэропорт попали в пробку из-за аварии на дороге, и Тане пришлось перенести такой скандал с такими леденящими нотами у Павла в голосе, что в ответ хотелось заткнуть уши и завизжать. Они прибыли за сорок минут, всё успели, вошли в самолёт даже не самыми последними, но больше Таня ни разу не пыталась сократить время бесполезного сидения в аэропорту.

Павел и Таня заняли три кресла у восьмого выхода. На свободное кресло между ними поставили свои дорожные сумки. Таня от нечего делать разглядывала пассажиров, потом достала свой Kindle и открыла Муратова.

– Я пойду возьму пива. Тебе принести что-нибудь?

– Воду без газа.

Паша вернулся с бутылкой воды и стаканчиком фруктового коктейля.

– Спасибо, милый! Это именно то, что мне нужно. Как ты догадался?

– Я тебя успел изучить за двадцать лет.

– Ты верный друг и настоящий товарищ.

Они без затруднений прошли проверку паспортов и билетов, вошли в самолёт и теперь медленно продвигались по проходу на свои места в экономклассе. Таня шла впереди, Павел пропустил каких-то женщин и отстал. В салоне первого класса Таня обратила внимание на пассажира, пристально смотревшего на неё. «Какое неприятное лицо», – подумала Таня. У пассажира были гладкие, бледные щёки, унылый рот и маленькие глазки за толстыми линзами. Таня взглянула на него, и он отвёл глаза. Она прошла мимо, задумавшись о том, почему это лицо показалось ей таким неприятным. Потом нашла своё место, стала устраиваться и забыла о нём. После взлёта Таня опять открыла Муратова, но читать описание картин и фресок, которые она ещё не видела, ей быстро наскучило. Она отключила Kindle. Павел оторвал глаза от бумаг и взглянул из-под очков на Таню.

– Неинтересно?

– Очень поэтично, но я не люблю, когда мне заранее подсказывают, чем я должна восхищаться.

– Посмотри, по крайней мере, карту достопримечательностей, наметь маршруты на три дня, взгляни, какие рестораны рекомендуют посетить...

– Карту купим или возьмём в отеле, там же узнаем о ресторанах.

– Лентяйка!

– У нас отпуск или я что-то путаю?

Нельзя сказать, чтобы Таня была очень утомлена своей работой. Она работала четыре дня в неделю в антикварном магазине, совладелицей которого недавно стала. Благополучие семьи

держалось на Павле. Он руководил юридическим отделом крупного холдинга и не расставался с рабочим ноутбуком даже во время отпуска.

1988. Москва. Первый брак Тани. Встреча с Павлом

Таня с детства хорошо рисовала, ходила в изостудию и когда-то поступила в Строгановское без особого труда. В первый же год она влюбилась в талантливого студента со своего курса и, не обращая внимания на вопли родителей, вышла за него замуж. Её отец, архитектор, одно время занимался учётом нежилого фонда Москвы и сумел выбить себе мастерскую на чердаке старого дома на одной из Ямских улиц. В просторную студию, удачно вписанную под высокой крышей, он построил маленькую кухню и туалет с душем. Молодожёны поселились там. Таня подрабатывала, где могла, стреляла деньги у родителей и была совершенно счастлива со своим талантливым и нищим художником, пока однажды не застала любимого в постели с двумя девчонками совершенно ПТУшного вида. От этой картины Таня заледенела: «Собирайте манатки и убирайтесь отсюда». Пергидрольная блондинка и смоляная брюнетка с длинной чёлкой вылезли из постели и молча оделись. «Тань, это такие пустяки, мы же современные люди, будь выше этого», – попробовал смягчить ситуацию Виктор, но Таня молча достала его чемодан и стала беспорядочно кидать туда его барахло.

Почему-то разочаровавшись в любимом, Таня остыла и к живописи. Она не только выгнала супруга, но и ушла из училища. Её мама с радостью устроила Таню к своей подруге на факультет экономики в один из вновь созданных университетов. Таня дотянула до третьего курса, бросила институт, из-за этого окончательно рассорилась с родителями, осталась жить в папиной мастерской и самостоятельно устроилась на работу. Начальник, бывший учитель математики, взял её без диплома, как он сам сказал, «за умные глаза».

Небольшая организация, в которой она работала, продолжала называться «проектное бюро», но занималась компьютерным обеспечением и базами данных для Госплана.

Таня была единственной, кто не любил местные командировки в Госплан. Она не любила всё: долгое ожидание пропуска в вестибюле, бесконечные коридоры с закрытыми дверями, людей, делающих бессмысленное дело с такой важностью, необходимость надевать в Госплан специальную строгую юбку и белую рубашку-батник – «камуфляж». Все остальные женщины из их отдела обожали эти поездки.

В Госплане можно было купить всё: от свиной вырезки до дефицитных книг. Дамы возвращались из Госплана с большими тяжёлыми сумками и с восторгом рассказывали, что они съели в знаменитой госплановской столовой «для сотрудников». О столовой для госплановского начальства на каком-то там этаже ходили легенды, которые трудно было проверить, потому что туда пускали только по специальным пропускам. Таня и это тоже не любила, но ничему такому не удивлялась. Она была начитанной девушкой и давно знала, что все равны, но некоторые «равнее».

В тот день Таню отправили в «местную командировку» в Госплан неожиданно. Их заказчику Воскобойникову понадобилось напечатать и в трёх экземплярах распечатать какой-то документ. Вызывать для такой работы программиста он не стеснялся. Таня попробовала покачать права у своего начальника, бунт был подавлен в зародыше обещанием лишить премии. Воскобойникову она сообщила, что приедет в джинсах, авось перенесёт на завтра, но он был непреклонен: выходить не будешь, никто не заметит. Пришлось ехать.

Документ оказался большим, Таня проголодалась и улизнула в столовую за полчаса до её закрытия, надеясь, что будет поменьше народу и в коридорах, и в самой столовой.

Все мужчины Госплана казались ей одинаковыми, на одно лицо, как нам китайцы, или как мы китайцам. Ей казалось, что по коридорам ходит тиражированный Иван Иванович Иванов в мешковатом тёмно-сером костюме, коротко постриженный, среднего возраста, с грубоватым лицом. Тот, кто в тот час шёл ей навстречу по коридору, сильно отличался от госплановского Ивана Ивановича, прежде всего, «лица выраженьем не общим». На нём хорошо сидел костюм,

верхняя пуговица белой рубашки была расстёгнута, галстук приспущен. Высокий, со спортивной лёгкой походкой он шёл по коридору навстречу Тане, увидел её, улыбнулся и сказал: «Программиста можно узнать сразу. Вы у Кондратьева в отделе работаете?»

2012. Флоренция. Аэропорт

В Италии они вышли из самолёта прямо на лётное поле. Таня несколько раз глубоко вдохнула. Самолёт лишал пассажиров чувства огромности пересечённого расстояния, но воздух был другим, тёплым, с новой чужой смесью запахов, и это сразу всё ставило на место. В аэропорту Таню и Павла встретил шофёр микроавтобуса с плакатиком отеля. К ним присоединились ещё две пары, едущие в тот же отель: крупные седые американцы в шортах и маленькие черноголовые японские студенты с рюкзаками за плечами и дорогими фотокамерами на шеях.

Отель выбирал муж. У Тани было только одно требование: не слишком далеко от центра. Она знала, что отель будет выбран самый дешёвый из приличных, а комната – самая дешёвая из возможных. Муж был прагматик до мозга костей. Да и в самом деле, не на медовый же месяц они сюда приехали и вряд ли будут в номере проводить много времени. Отель «Кавур» оказался маленькой гостиницей, втиснутой в узкое старое здание. Они получили ключи и в крошечном лифте, где два человека могли поместиться, только почти касаясь друг друга, поднялись на свой этаж. Комната, как и ожидала Таня, была маленькой, постель занимала почти всё пространство, две прикроватных тумбы с лампами и небольшой комод с телевизором – вот и вся обстановка. Ванна Таню удовлетворила. Она была современно отделана и чисто вымыта. В шкафу Таня с удивлением обнаружила много разномастных вешалок, в основном тонких проволочных, на таких выдают одежду после химчистки. «На всём экономят, полотенце три вместо шести, мыло одно, шампуней я не вижу», – сообщила мужу Таня. Муж позвонил в офис и на беглом английском, правда, с ужасным произношением, высказал все претензии. «Сейчас принесут», – ответил он Тане.

1991. Москва. Встреча с Таней

Павел хорошо помнил, как он в первый раз встретился со своей будущей женой. Его, молодого сотрудника Минфина, отправили на совещание в Госплан потому, что было совершенно всё равно, кого именно отправить на это совещание. Госплану оставалось жить несколько месяцев. Наиболее дальновидные уже подобрали для себя места в существующих и вновь созданных структурах, но несколько сот человек ещё трудились, бегали с бумагами, собирались на совещания, спорили, настаивали на своём, не зная, что эту их суету вскоре просто отменяют и ничего не произойдёт. И катастрофой это станет только для тех, кто лишится такой солидной работы, таких заказов и такой столовой.

Когда Павел увидел её в тот раз в Госплане, худенькую, с тёмными волосами до плеч, в джинсиках и белой рубашке, то первой мыслью было: «Господи, откуда же ты здесь взялась?», а второй: «Я не должен её упустить». После неудачного брака он в первый раз испугался, что эта девушка может пройти мимо и исчезнуть из его жизни. Его первая жена, искусствовед, изводила его истериками, резкими переходами от вялости и лени к лихорадочной деятельности, но его тянуло именно к таким женщинам, женщинам с «артистическим» темпераментом.

Надо было с чего-то начать, и он сказал: «Программиста можно узнать сразу. Вы у Кондратьева в отделе работаете?» Фамилию он назвал наобум, но она купилась и ответила: «Нет, у Воскобойникова». «Я здесь не всё знаю. Вы не покажете мне, где столовая?» – попросил он, хотя только что пообедал на том самом пресловутом этаже со специальными пропусками. Таня улыбнулась в ответ: «Я иду в столовую. Пойдёмте со мной».

В столовой он взял только холодный морс, да и его не стал пить, сказав, конечно, что он не сможет ни пить, ни есть, пока она не согласится с ним ещё раз встретиться. Она немного нахмурилась, и он тут же заговорил о другом. Павел попробовал тему кино. Неделя фильмов Феллини прошла в Доме учёных, и он почти всё посмотрел. Таня видела и ранние, и поздние работы мастера, но сказала, что не любит, когда фильмы нужно разгадывать как ребусы, что их закодированность лишает их живого чувства, тепла, поэтому больше всего у Феллини она любит «Амаркор», а у Тарковского – «Иваново детство». Павел почувствовал в этот момент такой прилив живого чувства и тепла, что немедленно сознался: больше всего он любит у Тарковского «Солярис», потому что вообще любит фантастику и смотреть, и читать и добавил грустно: «И кофе я пью растворимый...» Тут они оба расхохотались, но вернуться к теме новой встречи и номера телефона он не решился. Павел проводил её к ней в комнату, к компьютеру, и никак не мог уйти. Он видел, что Воскобойников, хоть и поздоровался с ним за руку, смотрит на чужака с неудовольствием, но не мог оторваться от неё, потом всё-таки заставил себя попрощаться и ушёл.

Когда Таня закончила работу и вышла из дверей Госплана, она увидела Павла с букетом цветов в руках.

2012. Флоренция. Таня отдыхает

Тане очень хотелось полежать, подремать после дороги. Она сбросила туфли и легла поверх покрывала. «Не спи. Мы не для этого сюда приехали. Пойдём пройдемся по городу», – настаивал Павел. «Хочу отдохнуть. Сходи на разведку, найди, где мы будем ужинать», – Тане никуда не хотелось, но она боялась сознаться в этом мужу. Павел взял карту на стойке администрации и теперь внимательно её изучал. Они с Таней много путешествовали вдвоём, и Павел знал, что в первый день на новом месте Таня всегда впадает в депрессию и не хочет вылезать из постели. Экспериментальным путём им было установлено: самое лучшее – это вытащить Таню на небольшую прогулку с заходом в ресторан или бар. Пара бокалов вина в ресторане или коктейль-другой в баре оказывали благотворное действие, и на следующий день она вставала с другим настроением.

1991. Москва. Поездка в усадьбу Архангельское

Новый знакомый сильно отличался и от Таниных друзей из творческой богемы, и от её друзей-программистов. Наверное, если бы он пригласил её в ресторан, Таня бы отказалась. Возможно, тем бы всё и кончилось. Но он предложил ей съездить в Архангельское.

Конец августа радовал сухой и тёплой погодой. С утра день был солнечный, но, пока они добирались на Пашиных «Жигулях» до Архангельского, собрались тучи, и они еле успели добежать до недостроенного круглого павильона внизу у дворца, напротив фасада с колоннами. Там уже спрятались от ливня несколько человек: мужчина и женщина лет под сорок, нежно прижимавшиеся друг к другу, семья с двумя детьми и два милиционера в форме, с «воки-токи» в руках. Как только ливень кончился, один из милиционеров откашлялся и строгим голосом объявил: «Граждане, покиньте помещение! Здесь находиться нельзя». Таня и Павел с улыбкой переглянулись и вышли. Они медленным шагом обошли усадьбу по асфальтовым дорожкам. Ливень вымочил всё вокруг, прогуляться по траве или сесть где-нибудь на полянке отдохнуть было невозможно. Они свернули на какую-то боковую тропинку и неожиданно вышли к пруду. У пруда под навесом стояли несколько столиков со стульями и вокруг – никого. В пруду у берега на воде покачивались три лодки с вёслами, скованные цепью.

Павел нашёл стол и два стула, не забрызганных дождём, и пригласил Таню. Из рюкзака он достал нарезанную колбасу, рыбу, хлеб, помидоры, всё завернутое в фольгу и бутылку белого вина. Он разложил еду на столе, нарезал помидоры складным ножом, открыл бутылку.

Сквозь тучи пробилось солнце и осветило заросший пруд, лодки, рябь на воде. В этих белёсых лучах все краски смягчились и приняли серебристый оттенок. Мягко серебрились блики на воде, мокрые листья, даже лодки и мостки. Всё вокруг стало отчётливым, как в камере обскура, и удивительно красивым. Таня так остро ощутила эту мимолётную красоту, сердце её сжалось, и, как всегда в такие моменты, Таня сказала себе: «Это нужно запомнить и попробовать написать». Она оторвала глаза от пруда и встретила взглядом с Павлом. Он достал два стакана из толстого стекла и разлил вино: «Как ты попала в Госплан?»

Постепенно подталкиваемая его вопросами Таня рассказала всю свою недлинную историю, о замужестве сказала коротко: «Поженились, через год развелись». Она ожидала расспросов на эту тему, готовая их остановить, но Павел стал её спрашивать о детстве. Тогда она в первый раз подумала, как думала потом много-много раз: «Умный чёрт!» О себе он рассказывал мало. Учился в университете, работал в Минфине, в Госплан ездил на совещания как консультант. Павел был Тане приятен и только. Любовной лихорадки, толкнувшей её два года назад к первому мужу, она не испытывала и решила пока с выводами не спешить.

2012. Флоренция. Разговор с администратором

Павел посмотрел на часы и ещё раз позвонил в администрацию. Он напомнил, что к ним в номер должны принести недостающие вещи. Приятный мужской голос осведомился, нужны ли им полотенца и шампуни прямо сейчас. Встретившись с Пашиным холодным удивлением по поводу такого вопроса, администратор с приятным голосом извинился и объяснил, что горничная сейчас занята, она убирает номер, постояльцы которого уже приехали и ждут, но если сеньору это нужно срочно, то он сам принесёт сейчас и полотенца, и шампуни, буквально через пятнадцать минут, только оформит документы для джентльмена и леди. Павел, озадаченный этим неформальным разговором, объяснил: они с женой собираются на прогулку и он хотел убедиться, что о его просьбе не забыли. «Нет-нет, – заверил его тот же приятный голос, – сэр может спокойно отправиться на прогулку, всё принесут в номер до его возвращения». Паша не хотел идти на разведку один. «Пойдём вместе, по дороге что-нибудь найдём».

Москва. 1991. У Тани

Всё решилось между Таней и Павлом, когда они в какую-то из суббот поехали в усадьбу бабушки Лермонтова, сначала по Ленинградке, потом по грунтовой дороге через лес. В усадьбе ещё недавно был дом отдыха. Теперь она стояла безлюдная, с побитыми окнами, но всё равно поражала своей лёгкостью и изысканной красотой. На обратном пути они прокололи шину. Павел чертыхнулся и съехал на обочину. «Что теперь делать?» – спросила Таня. «Поставлю запаску. Придётся наведаться на шиномонтаж», – ответил Павел. Он высоко закатал рукава рубашки, открыл дверцу с Таниной стороны и достал из бардачка старые кожаные перчатки. Таня осталась сидеть, выставив ноги из машины, и с интересом наблюдала, как Павел меняет правое заднее колесо. Движения его были уверенными и чёткими, руки мускулистыми и загорелыми.

Павел быстро поставил «бублик», положил в багажник колесо с проколотой шиной, подошёл и наклонился над Таней, чтобы положить перчатки в бардачок. Таня протянула руку и дотронулась до его щеки. Павел повернулся к ней, и они одновременно сказали: «Поехали ко мне». Павел продолжал смотреть на Таню. «Поехали ко мне, – повторила Таня. – У меня в холодильнике – шампанское и арбуз».

Таня ужасно волновалась тогда там, у себя в мастерской. Она совершенно смешалась, не могла сказать ни слова. «Наверное, я выгляжу глупо, – думала, Таня. – Сама сказала, что была замужем, не девочка уже». Павел какое-то время ждал от неё инициативы, но заметил, что у неё от волнения дрожат руки. Тогда он взял одну её руку, поднял и поцеловал тыльную сторону кисти, потом точно так же поднял и поцеловал другую, повернул одну руку и поцеловал ладонь, то же самое сделал с другой рукой, потом положил её руки на свои плечи и обнял её.

2012. Флоренция. Первая прогулка

Таня сделала усилие и встала с широкой кровати. В крохотном лифте Таня, больше всего хотевшая в этот момент лежать, прислонилась к мужу, устроила голову на его груди. «Двери скоро откроются, там будут люди», – предупредил её Паша. Таня выпрямилась: «Зачем он это сказал? Было бы естественней, если бы он её просто обнял и не произносил бессмысленной фразы о каких-то людях». Они вышли на улицу.

Мощеная камнем улица была по меркам Флоренции широкой – по ней могли проехать две машины, поэтому и движение было двухсторонним. Узенькие тротуары едва вмещали одного пешехода. Павел вышел с картой в руках. «Куда идём? – спросил Павел и пояснил: – Там, – он показал вверх по улице, – площадь Сан Джованни и самый знаменитый собор Флоренции – Дуомо, там, – он показал дорогу вниз, – площадь Сеньории, где Давид, где галерея Уффици». Таня показала направо просто потому, что идти вниз было легче. Они пошли по брусчатке и поднимались на тротуар, только чтобы уступить дорогу машинам, миновали маленькую площадь, вся середина которой была занята стадом мотороллеров. Мотороллеры стояли боком к дороге, вплотную друг к другу, каждый был примкнут к столбику стальным жгутом с небольшим замком.

«Для таких улиц мотороллер – самый лучший транспорт», – заметил Павел. Справа от стоянки мотороллеров молодой парень в джинсах и красной майке аккуратно поливал из лейки цветы, густо разросшиеся в вазонах вокруг новенькой деревянной двери. Цветы свисали по обе стороны этой двери в живописном беспорядке. Таня подошла поближе: «Смотри, там есть меню, это ресторан, можем туда пойти». «Я узнал у портье. Рядом с нашей гостиницей есть ресторан, один из лучших во Флоренции. Впрочем, как ты хочешь. Если тебе нравится этот, пойдём в этот», – отозвался Павел. Они продолжили спуск между тёмных от времени домов, вышли на площадь Сеньории и медленно пошли, пересекая площадь и оглядываясь.

1991. Москва. Предложение руки и сердца

Таня так волновалась тогда, в первый раз, что Павел немного растерялся. Он целовал её губы, уголки губ, щёки, глаза лёгкими нежными поцелуями, пока она не обхватила ладонями его шею и не пригнула его голову к себе. Она прижала крепко свои губы к его губам, и он почувствовал её ищущий язычок. У него мелькнула мысль, что, несмотря на замужество, она осталась неопытна и ничего о себе не знает. Нельзя пойти у неё на поводу, она торопится, так можно всё испортить. Он всё время боялся ошибиться, утратить её доверие, испугать её или насторожить. Она была нужна ему надолго, и нельзя было сфальшивить ни в одной ноте.

Павел взял её за плечи и немного отодвинул от себя: «Кто-то обещал мне арбуз?». Таня, не откликаясь на шутку, сказала: «Потом... давай потом, после...» Она сняла с плеч лямки своего джинсового комбинезона, поддёрнула его вниз, и он упал на пол. Таня перешагнула через комбинезон и взялась было за майку, но Павел обнял её, прижал к себе. Она встала на цыпочки, он нагнулся, и Таня поцеловала его в губы. Павел подхватил её и выпрямился. Она по-детски обвила его ногами. Павел, не отрываясь от её губ, сделал несколько шагов к низкой софе, посадил на неё Таню. Он сел рядом с ней и, целуя её, откинулся вместе с ней на софу. Майку он просто сдвинул вверх. У неё была чудесная грудь: небольшая, плотная, с красивыми соразмерными сосками. Каждая линия её тела была такой, как нужно, как Павлу нравилось, и её девичья грудь, и впалый живот между острыми косточками, и худые длинные ноги. Он целовал её грудь, ласкал языком и рукой её соски, пока она не заметалась, не начала судорожно выдыхать со стоном. Тогда он поднялся, осторожно снял с неё трусики, встал на колени у неё между ног. Черная шёрстка у неё внизу тоже была такой, как надо, не слишком густой, не слишком редкой, аккуратный треугольник, подбритый с боков. Она была уже мокрой и слегка пахла малиной. Он нащупал языком выпуклый бугорок. Таня застонала громче, вцепилась в плед. Когда она начала вскрикивать и рефлекторно подаваться бёдрами вверх, навстречу его языку, он осторожно просунул два пальца ей внутрь и начал гладить самое шершавое место там, внутри. Он старался не делать лишних движений и не прерываться. Через полминуты Таня замерла, странно вскрикнула, потом обмякла. Павел поднял голову и посмотрел на Таню. Она лежала, глядя вверх, и казалась ошеломлённой тем, что с ней произошло. Павел встал и быстро разделся. Он приподнял Таню, откинул плед и одеяло, положил её в постель и лёг рядом. Он хотел опять приласкать её, но она вцепилась в его плечи и только повторяла: «Ну, ну...» Не понять её было невозможно. Она кончила ещё два раза, он почувствовал это и внутри, и по тому, что она опять, как в первый раз, замирала на секунду. Дольше он уже сдерживать себя не мог и поспешил к финишу. Какое-то время Павел лежал молча, потом повернул голову к Тане. Таня ещё тяжело дышала, и глаза её были закрыты. Павел понимал, что всё было хорошо, но хотел знать наверняка. Он привстал на локте и поцеловал Танин кончик носа. Таня открыла глаза. «Всё хорошо?», – спросил он. «Больше, чем хорошо», – ответила Таня и опять закрыла глаза. Павел откинулся на подушку.

– Почему ты пахнешь малиной?

– Это такое специальное маслице.

– Ты всегда им мажешься?

– Всегда после душа. Тебе не нравится? Есть с запахом вишни, ванили, есть совсем без запаха.

– Пусть будет малина. Выходи за меня замуж.

Таня скосила на него удивлённые глаза: «Так сразу замуж?» Павел неожиданно для себя сказал: «Я тебя, наконец, нашёл и очень боюсь потерять». «Ладно, решительный ты мой. Завтра воскресенье, пойдём знакомиться с моими родителями», – ответила Таня и засмеялась.

2012. Флоренция. Площадь Сеньории

Статуя Давида издалека бросалась в глаза, и у Тани возникло ощущение, что она несо-размерна небольшой площади и зданиям на ней. Давид был огромен. Таня испытала нелов-кость от близкого соседства его обнажённой фигуры. Это её удивило. Столько видела обна-жённых скульптур, сама рисовала обнажёнку, когда училась в студии и вдруг... Они подошли к фонтану, и площадь открылась во всю свою ширину. Слева, около Палаццо Веккьо, – Давид, Зевс, большой фонтан, конная статуя, Лоджия Ланци с её скульптурами; справа – пустая пло-щадь, не уравновешенная ничем, кроме ряда невысоких домов. Возможно, раньше, во времена Микеланджело, площадь заполняли торговые ряды, и это отсутствие равновесия не так броса-лось в глаза. Павел уже готов был предложить вернуться обратно по мелким улочкам, но Таня попросила: «Пойдём к реке».

Они вышли к Понте Веккьо в тот счастливый час, когда набережная и мост были окра-шены яркими, тёплыми лучами заходящего солнца. Таня встала у парапета и смотрела на спо-койный, отливающий синим Арно, на жёлтые и оранжевые фасады домов, на их отражения в реке, на мост с его полукружиями арок между тяжёлыми опорами и разномастными построй-ками на нём тех же охристых оттенков, что и дома на набережной, и её охватило чувство, которого она давно не испытывала: радостное волнение, всегда возникавшее у неё при встрече с красотой, не красотой Давида, веками неизменной, но красотой минуты, пока сохраняется это освещение и не размыты рябью отражения домов на воде. Таня с трудом оторвала взгляд от реки и быстрым шагом направилась к мосту.

Понте Веккьо был заполнен туристами, глазевшими на витрины золотых лавок. Павел и Таня прошли мост из конца в конец и обратно. Таня долго стояла, облокотившись на перила с одной и с другой стороны, смотрела на набережную, на кривоватые от старости дома, на дальние мосты через Арно и молилась непонятно кому, чтобы чувство радостного волнения не покидало её. Она сказала себе, как говорила в молодости, когда ещё мечтала стать худож-ником: «Я хочу это запомнить и попробовать написать». Таня повернулась спиной к перилам, стараясь вобрать в себя всё: китайских туристов, державшихся одной тесной кучкой, обнимав-шуюся парочку высоких светловолосых парней, пожилую, скромно одетую чету, наклонившу-юся к витрине, чтобы рассмотреть цены. Потом она опять пошла вниз, на набережную, и вдруг вообразила себя босоногим итальянским мальчишкой, бегущим в толпе по этому мосту лет триста назад. Её походка стала пружинистой, движения быстрыми и резкими, она оглянулась на Пашу, шедшего следом за ней, и озорно засмеялась. «Что?» – не понял Паша. «Ничего. Просто хорошо», – продолжала улыбаться Таня.

Москва. 1991. Путч

Павел с Таней поженились, когда всё вокруг начало рушиться. Работа на Госплан кончилась, других заказов не было. Валера, Танин начальник, пытался хоть как-то заработать на обналичке, на торговле всем, что подворачивалось: ковры с Обуховской фабрики, которые забирали небритые восточные люди, золотой ширпотреб из Иванова, расписные самовары, хрусталь... Потом появилась зацепка в Министерстве автотранспорта и трое программистов, Таня в их числе, были брошены туда.

Двадцать третьего августа Таня, как всегда второпях собравшись, спустилась в метро. В вагоне ехали такие хмурые и молчаливые люди, что у Тани ёкнуло сердце. Что случилось? Может быть, кто-то умер, кто-то очень важный? Кто же это может быть?

В министерстве никто не работал. В бухгалтерии стоял маленький телевизор с заглушённым звуком. На экране «лебеди» в пушистых пачках слаженно семенили на пуантах. Таню сбивчиво посвятили в то, что произошло. Через час-полтора с улицы стал слышен нарастающий мощный гул, и задрожали стёкла. Все прильнули к окнам: по улице шли танки. Позвонил Павел. Попросил Таню не выходить в город. Таня и не собиралась. Этот заказ был их последней надеждой на выживание. То, что Павел всё это время был у Белого дома, Таня узнала много позже. Зато она видела, как два дня спустя пытались свалить памятник Дзержинскому. Во всех окнах основного здания КГБ были видны люди, наблюдающие за происходящим. На крыше стояла тренога с камерой, и два человека непрерывно снимали этот многолюдный и многочасовой процесс. Таня хотела дожидаться момента, когда зловещий Феликс Эдмундович падёт на асфальт площади, постояла немного среди весёлой и шумной толпы, поняла, что это надолго, и поехала домой.

Возврата к идеалам социализма удалось избежать, но, как жить дальше, было непонятно. Пашина работа висела на волоске. Слишком много солидных, влиятельных людей и их детей остались без мест. Неожиданно пришло предложение от Сергея Васильевича Веденева, друга Пашиного отца, с которым Сергей Васильевич много лет вместе проработал во Внешторге. На основе бывшего отделения Внешторга было создано новое предприятие. Сергей Васильевич хотел взять Павла к себе юридическим консультантом. Павел согласился, и жизнь Павла и Тани сказочно изменилась. Они перестали зависеть от Таниной зарплаты и из людей с ограниченными средствами в одночасье превратились в людей с большими возможностями. Таня какое-то время чувствовала себя Золушкой на балу, но быстро привыкла к тому, что машина, квартира и наряды не собираются исчезать и денег на всё хватает.

Новую кооперативную квартиру в Печатниках и Павлову двушку обменяли на четырехкомнатную на Таганке, в «генеральском доме», сделали ремонт. Таня побегала по мебельным комиссионкам, познакомилась с продавцами, заведующими и сумела обставить квартиру антикварной мебелью, не слишком древней, в основном конец девятнадцатого – начало двадцатого века. На стенах поселились пейзажи отца, её собственные этюды, картинки, даренные друзьями, две расписные доски от прялок, привезённые бывшим с Севера, несколько икон. Занавески для комнат Таня сшила сама из матрасной ткани и обычной бязи, а для кухни – из весёленького ситчика в мелкий цветочек, найденного у матери в закромах.

Павлу, москвичу бог знает в каком поколении, нравилось то, что она делает. У них получилось настоящее старомосковское жилище: солидное, уютное, с картинами и фотографиями на стенах. Благоустройство было почти завершено, когда Таня обнаружила, что беременна.

2012. Флоренция. Дом Данте

Таня и Павел возвращались к отелю другим путём, по совсем узким улочкам, и неожиданно попали на улицу Данте, к дому Данте, где висела табличка с именем и профилем поэта. Здесь разволновался Паша. Дом, в котором жил Данте пятьсот лет назад! Пятьсот лет назад он был известным признанным поэтом (не полководцем, поэтом!), и его ценили не за богатство или именитый род, а за его стихи. И этот дом стоит, потому что это каменная прочная постройка, и пять веков в нём живут люди поколение за поколением и только в двадцатом веке здесь создали музей. «Да-а. В эти моменты начинаешь понимать, что такое Европа и насколько он старый, этот Старый Свет», – с уважением протянул Паша. В отличие от Тани, Павел читал Данте. Таня знала только несколько расхожих четверостиший. «Это подделка», – отозвалась Таня.

– Что ты имеешь в виду?

– То и имею. Это ненастоящий дом Данте. Сам дом старый, и эта кладка, которую мы видим, она принадлежит тому времени, но Данте здесь не жил. Его дом был в другом месте. Он не сохранился. Здесь рядом церковь, где он встретил Беатриче, она подлинная.

– Бог с ней, с Беатриче, – проворчал разочарованный Павел. – Пойдём лучше в ресторан. Он тут поблизости.

Павел ещё раз взглянул на карту. Действительно, ресторан, который посоветовал им портье, находился недалеко. Павел вопросительно посмотрел на жену: «Пошли?»

Перед Таней на мгновение мелькнули двери в цветах того ресторана на маленькой площади. Она знала, что если она скажет: «Я хочу в тот, где двери в цветах», – Павел пойдёт, но будет сожалеть, что они были не в «одном из лучших ресторанов», и ответила ему утвердительно: «Пойдём!»

Москва. 1992. Рождение дочери

Павел старался ничем Таню не огорчать и радоваться беременности вместе с ней, но на самом деле ему нужна была Таня, только Таня и он не был уверен, нужен ли ему кто-то ещё. Беременность у Тани проходила тяжело, с тошнотой, головокружениями, обмороками. Павел собирался рожать вместе с женой, но всё пошло не так гладко, как рассчитывали, и его выгнали из родилки. Он бросался к каждой медсестре, выходящей оттуда. Наконец, немолодая акушерка вышла за дверь и сказала: «Поздравляю. Девочка. 49. Три двести. Закричала сразу...», но в этот момент выскочила молоденькая медсестра, что-то шепнула ей на ухо и та бросилась обратно в родилку. Павел похолодел. Через несколько минут вышел врач, тот, с которым Павел договаривался, увидел Павла: «Всё хорошо. Теперь уже всё в порядке. Родила сама. Девочка хорошая. Поздравляю. Вам лучше сегодня пойти домой. Ваша жена очень устала, ей нужно поспать. Завтра увидите обеих. Не переживайте. В следующий раз будет легче». «Следующего раза не будет», – твёрдо подумал измученный Павел, пожимая руку врачу.

Таня после родов была очень слаба. От самоотверженного предложения тёщи пожить у них Павел вежливо отказался. Взяли няню. Однажды утром Павел зашёл в детскую, Таня стояла, наклонившись над кроваткой. Он подошёл, посмотрел на дочь. Сказал Тане: «Я на работу». Таня оглянулась с той же счастливой улыбкой, с которой смотрела на дочь, поцеловала мужа и опять повернулась к ребёнку. В этот момент Павел заметил, что постоянный страх сделать что-то неправильное, разочаровать её, прошёл. Он ловил себя на том, что на работе забывает о жене и дочке на долгие часы и всегда пугался, когда это происходило, тут же звонил домой. Павел стал чаще встречаться с друзьями, снова начал раз в неделю играть в теннис. Через год Таня вышла на работу. За маленькой Лялей смотрела няня, молодая женщина с Украины, за няней присматривала Танина мама.

И вот тогда произошло то, о чём они оба стараются не вспоминать. Таня сделала Павлу очень больно. Он даже не знал, что так больно бывает.

Флоренция. 2012. В ресторане

Ресторан от улицы отделяли тяжелые двери и невысокий порог. Низкий сводчатый потолок, роспись стен гирляндами цветов и античными сценами, тяжёлая, тёмного дерева мебель говорили о том, что хозяева позаботились об «атмосфере», а цены в меню – о том, что хозяева рассчитывают в основном на туристов.

Таня долго выбирала и, в конце концов, заказала пасту с чёрными трюфелями. Она всегда выбирала то, что она ещё не пробовала, и часто попадала впросак. Павел, как всегда для первого раза в ресторане с итальянской кухней, взял телятину с пармезаном, по этому блюду он определял, стоит ли в этот ресторан приходить ещё раз.

Вино Павел выбрал недешёвое – «Амароне» 2006 года. Тане к её еде хотелось белого вина, и она попросила ей заказать бокал белого, но Павел ей подробно объяснил, насколько невыгодно заказывать вино бокалами, к тому же в таком случае она напрашивается на обман и ей нальют не то, что она заказала, а из той бутылки, которая открыта. Им принесли закуски. Тане – её кабрезе, Павлу – прошутто с дыней.

Таня часто делала помидоры с моцареллой и базиликом дома и решила попробовать, как это делают в Италии. Таня попробовала и посмотрела на Павла.

– Что-то не так?

– По-моему, они здесь решили бороться за здоровый образ жизни. Кабрезе не посолили, не поперчили и оливковым маслом только капнули.

Павел окликнул официанта, пробежавшего мимо. Таня собиралась сказать про соль по-итальянски, она уже два года ходила на курсы итальянского языка, но, видно, долго собиралась. Павел, глядя на Таню и видя её улыбку и желание что-то сказать, не стал ждать и по-английски попросил соль и перец. Официант, обращаясь к ним обоим на английском, спросил что-то. Павел пояснил: официант предлагает свежемолотый перец и такую же соль. Таня кивнула: «Si, grazie», получила в ответ фразу по-итальянски, которую не поняла, и улыбку, немного скрывшую для Тани бестактность мужа.

1994. Москва. Неожиданная встреча

Таня после родов осталась такой же стройной, как была, но стала женственней, исчезла её подростковая худоба и угловатость. Все считали, что Таня расцвела и находится в зените своей женской красоты. Таня была уверена, что счастлива и выглядела счастливой, и никак не могла предполагать, что с ней может случиться то, что случилось.

Таня зашла в художественный салон на Октябрьской просто поглазеть на красивые безделушки и неожиданно увидела Виктора, своего бывшего мужа. Последний раз она с ним виделась на разводе, Виктор просил прощения, умолял её подумать, повременить. Виктор зашёл в этот магазин, чтобы присмотреть подарок для жены. Увидев Таню, он весь просиял радостью и бросился к ней как к лучшему другу.

– Танька! Какая ты стала! Королева! Как дела? Замужем?

– Замужем. Дочке два года. Как ты?

– Женат. Детей нет. Чем занимаешься? Давай дойдём до Дома художника, зайдём в ресторан, посидим, поговорим.

По дороге Витя рассказал о себе. Он занимается внутренними интерьерами помещений. Делает офисы, магазины, частные дома и квартиры. Недавно оформлял новое здание для мэрии. Женат на дочери крупного чиновника. Тесть помогает с заказами. Жена открыла магазин женской одежды – бутик. В Доме художника Виктор показал удостоверение, их пропустили бесплатно. Витя сиял и беззастенчиво разглядывал Таню.

– Танька, помнишь, как мы всей группой поехали к Свирослому на дачу? Все напились и разбрелись кто куда. Мы с тобой искали комнату пустую и не нашли, помнишь? А потом трахались на столе у них в саду, под лампой?

Витя вздохнул и посмотрел на Таню более чем откровенным взглядом. Таня старалась не выдать своего волнения.

– Дураки мы с тобой были, что разошлись...

– А кто виноват?

– Я виноват. Бес попутал. Но они были такие вульгарные, казались такими распутными, так хотелось попробовать... Любопытство, больше ничего.

Таня заказала мороженое, но есть не могла, только выпила немного вина. Они вышли из ресторана, и Таня с ужасом поняла, что не хочет с Витей расставаться. Вспомнился весь их первый бесшабашный год в Строгановке, все их пьянки, танцы до утра, чьи-то дачи. Витька ловил её в училище, затаскивал в любую пустую комнату, подпирал дверь стулом и тут же укладывал на стол.

– Пойдём до Парка Культуры через мост, – предложил Виктор.

Они пошли по Крымскому мосту. Было ветрено, но Таня не чувствовала холода. Посередине Виктор остановился, повернулся к Тане.

– Танька, Танюсик! Сколько лет прошло, а ничего не изменилось, всё так же, как было, да?

Он схватил её голову ладонями и поцеловал её в губы.

– Какой же я был дурак, Танька! Как я мог тебя отпустить...

Таня молчала. Она шла рядом с Виктором как заворожённая и сгорала от мучительного желания. Они останавливались и целовались через каждые три шага, но в конце концов подошли к метро. Некоторое время они стояли, глядя друг на друга, потом Витя схватил её за руку и потащил за здание метро. Он два раза заглядывал в разные парадные, что-то ему не нравилось. В третьем он прижал Таню к стене. Труссы на ней он просто порвал. От одного его прикосновения Таня полыхнула огнём. Она повисла на его шее, он подхватил её ногу за бедро, и они самозабвенно трахнулись в углу вонявшего кошками подъезда. Таня впивалась в его

губы, и ей было всё равно, идёт кто-нибудь или нет. Потом Витя обнял её и, глядя ей в глаза, повторял: «Танька, Танька... любимая, какая ты стала...»

Таня бежала домой, до последнего момента не зная, что ей делать и что говорить. Она вошла в квартиру, сразу подошла к дочери. Ляля уже спала. Вышел из кабинета Павел.

– Что так поздно?

– Разве это поздно? Начало девятого. Встретила подругу Наташу Доризо. В художественном салоне на Октябрьской. Зашли в кафе, потрепались.

– Почему не позвонила?

– Я пыталась. Все телефоны поломаны, ты же знаешь, как сейчас... Поехала домой. Договорились на днях встретиться. Ты знаешь, голова разболелась. Пойду приму горячий душ.

Флоренция. 2012. В ресторане

Официант ушёл, быстро вернулся с перчаткой и солонкой – мельницами и покрутил их над Таниным кабрезе, потом на ближайшей полке нашёл оливковое масло и, спросив Таню взглядом, полил помидоры. Теперь всё встало на своё место. Вино Тани показалось слишком тяжёлым для её еды. Она отпила несколько глотков и отставила бокал. После кабрезе Тани вдруг захотелось закурить. «Как ты думаешь, здесь курят?» – спросила Таня. Павел оглянулся вокруг. «Я не вижу пепельниц на столах и не вижу, чтобы кто-то курил. Мы сейчас спросим у официанта. Ты же бросила?» Официант объяснил, что у них – да, курят, но этот стол стоит там, где сидят некурящие. Если синьора очень хочет покурить, они могут пересадить синьора и синьору в отделение для курящих. Павел вопросительно взглянул на Таню, Таня видела, что пересаживаться ему не хочется, и махнула рукой: «Не стоит беспокоиться».

Москва. 1995. Что делать?

Павел тогда всё понял сразу, но очень не хотелось принимать эту мысль, хотелось сомневаться и говорить себе: «С чего ты взял... Это паранойя. Встретила подругу, бывает». Она вышла из душа. Павел подошёл, взял её за плечи. Таня обернулась. Всё выдавало её: и эта слабая улыбка, и взгляд на него, но как будто сквозь него, и быстрый ответ: «Прости, Паш... Хочу лечь пораньше. Ты ещё будешь работать? Тогда я лягу у Ляли, хорошо?»

Он ушёл в кабинет, сидел оглушённый и, что ему делать, – не знал. Утром они разбежались – каждый на свою работу. Павел поехал на своём чёрном «Фольксвагене», Таня на своей белой «Шкоде». На работе у Павла был отдельный кабинет со своим туалетом, душем и свежей сорочкой.

Он попытался работать, но не смог сосредоточиться. Снял пиджак и галстук, лёг на диван. Подумал и пришёл к вполне банальному решению: он должен убедиться, что прав, он должен знать точно, что происходит. Принятое решение помогло собраться, и он занялся своими простыми и понятными делами.

На следующий день Таня пришла вовремя. А на следующий за ним позвонила Павлу на работу и сказала, что встречается с Наташей, придёт поздно. Павел подъехал к пяти к ней на работу. Поставил машину у бывшего Дома культуры, ждал. Таня вышла в пятнадцать минут шестого. Она села в машину и доехала до Садового кольца, потом свернула на Садовое в сторону Курского вокзала. Таня поставила машину у дома, где был магазин «Людмила». Павел подъехал к ней почти вплотную.

У подъезда Таню ждал мужчина. Среднего роста, длинные русые волосы, тяжёлые башмаки, рыжие джинсы, узкий твидовый пиджачок, шарф вокруг шеи. Павел легко его узнал. Он видел его на фотографиях у тёщи в альбоме. Сердце сжало так, что на мгновение потемнело в глазах. Таня и Виктор ушли в дом. Павел так и остался сидеть в машине.

Самое ужасное, что он по-прежнему не понимал, что ему делать. Подумал о том, что она там с Виктором, скрипнул зубами. Не зная, куда себя приткнуть, куда деть, поехал на работу. Напиваться с горя Павел не привык, но, следуя навязанным литературой и кинематографом образам, достал из шкафчика коньяк и выпил две рюмки подряд, не брало, достал толстый стакан для виски со льдом, налил полстакана, выпил залпом, не опьянел, но неожиданно с необыкновенной ясностью понял, что он хочет только одного: он хочет, чтобы всё стало по-прежнему, а то, что сейчас происходит, было забыто как страшный сон. Спросил себя, можно ли такое решение назвать «мужским» решением вопроса, не слабость ли это, ответил себе: «А плевать!» К вечеру он всё-таки напился, позвонил домой, подошла тёща. «Софья Борисовна, я заночую на работе, надо закончить проект». – «Ты что, Паша? Ты не здоров или пьяный?» Павел повесил трубку.

Сергей Васильевич, друг покойного отца, его нынешний начальник, застал его утром в кабинете спящим на диване: «Паша, что случилось?» Павел посмотрел на седого, крупного, чисто выбритого, пахнущего дорогим одеколоном Сергея Васильевича мутными больными глазами.

– Всё в порядке.

– Тогда вставай. Мне нужно с тобой посоветоваться.

Сергею Васильевичу удалось втянуть Павла в работу над проектом, и до конца дня голова у Павла была занята. Вечером он долго бесцельно катался по городу, домой приехал поздно. Таня уже спала. Лёжа без сна у себя в кабинете, Павел думал: «Нужно дать ей время. Либо она уходит к Виктору и тогда можно попытаться отговорить её от этого шага, либо это закончится само собой». Жизнь втроем его не устраивала. Насколько он знал жену, это не устроило бы и её.

2012. Флоренция. Первая ссора

Павел потягивал вино и листал путеводитель, а Таня думала: «Зачем было спрашивать у портя про ресторан? Конечно, он назвал дорогое место для туристов, куда местные не ходят. Та дверь в цветах была такой приветливой, зовущей к себе, и цены там были вполне умеренные».

Принесли пасту и телятину. Сначала паста показалась Тане очень вкусной, но сюда тоже годилось бы более лёгкое вино. Таня с трудом допила бокал. Она съела меньше половины своей пасты и вдруг почувствовала, что больше не может съесть ни кусочка. Её стало подташнивать. Она отодвинула от себя тарелку. «Не понравилось?» – спросил Павел.

- Кажется, трюфеля – это слишком изысканно для меня. Меня тошнит.
- Вечно ты выберешь что-то экзотическое. Хочешь, закажем что-нибудь другое?
- Нет. Я хочу десерт. Шоколадный торт.
- Таня! Я же знаю, ты два раза ковырнёшь его вилкой и всё.
- Давай возьмём один на двоих.
- Я не люблю сладкое.

В этот момент в Тане что-то взорвалось. Почему она должна выпрашивать какой-то кусок торта? Почему он её унижает на каждом шагу? Почему он вообще указывает ей, что делать и чего не делать? У неё перехватило горло, она почувствовала, что сейчас расплечется, схватила сумку и выбежала из ресторана.

Москва. 1994. Свидание с Виктором

Таня наверняка заметила бы Пашину машину, если бы она вообще могла тогда что-то видеть и замечать вокруг себя. Виктор и она вошли в дом на Садовом, где жил Витин приятель. Они начали целоваться ещё стоя перед лифтом. Их опять как волной швырнуло друг к другу. Потом они целовались в лифте. Витя расстегнул Танин плащ и блузку, задрал её юбку, залез в колготки под трусы. Они вышли из лифта, целуясь. Пришлось прерваться, пока Витя искал ключи и чертыхаясь открывал незнакомые замки. Так же, целуясь, они прошли до первой по коридору комнаты. В комнате стояла узкая тахта и письменный стол. Это, судя по постерам рок-групп на стенах, была комната сына-школьника. Виктор повернул Таню к столу и слегка надавил ей на плечи. Таня облокотилась на стол и, как только его тело соприкоснулось с её, забыла обо всём. Исчезли зрение и слух, она смутно слышала подвывающие звуки, не узнавая собственного голоса, и цеплялась за стол, чтобы удержать равновесие в этой бешеной скачке. После Витя быстро подтянул брюки и застегнулся. Таня, удерживая колготки с трусами в районе колен, мелкими шажками прошла в ванную. Пока она была в ванной, Витя уже успел похозяйничать на кухне и сварил кофе.

– Выпить хочешь?

Таня покачала головой.

– Ну и я не буду. Ты очень переменялась, очень. Просто другая женщина.

Таня улыбнулась.

– Я знаю, о чём ты подумала. Это со своим Павлом ты стала такой. Да, он сделал то, что должен был сделать я. Я был мальчишка, пацан. Я благодарен ему, правда, не смейся. Я уверен, что у тебя с ним не может быть так, как у нас с тобой. И у меня с женой никогда так не было. Мы с тобой заточены друг на друга, с этим ничего не поделаешь.

– Надо что-то решать.

– Что ты имеешь в виду?

– Как что? Я должна рассказать Павлу, что произошло, тебе нужно поговорить с женой. Съедемся, будем опять жить вместе.

– Всё не так просто, Тань. Если я уйду от Людки, тесть мне перекроет кислород. Да и ты невеликие деньжищи зарабатываешь. Где харчеваться-то будем? Честно говоря, я привык уже не задумываться о деньгах, жить широко. Ты тоже, как я понимаю, с Павлом не бедствуешь: прикид у тебя дорогой, духи, машина.

– А что же делать?

– Будем встречаться.

– Я так не могу.

– Здрасьте. Все могут, а ты не можешь?

– Кто «все»?

– Ладно. Это я глупость сказал. Тань, боюсь, что другого выхода нет.

Витя подошёл к Тане, потянул её за руки. Она встала, и Витя прижал её к себе.

– Наша Таня громко плачет...

Он шептал Тане в самое ухо и щекотал его губами.

– Уронила в речку мячик.

Тут он укусил Таню за ухо. Таня от неожиданности вскрикнула. «Тише, Танечка...» Таня хотнула коротким грудным смехом. Виктор повёл её в спальню. Теперь он как будто показывал ей всё, что может с ней сделать в постели. И так можно, и так, и вот так. «Обязательная программа», – мелькнуло у Тани в голове. Но что бы он с ней ни делал, как бы её ни поворачивал, ни сгибал, острота ощущений не снижалась, контакт не прерывался. Они действительно были заточены друг под друга.

– Вить! Я завтра же всё расскажу мужу. Не дрейфь, проживём как-нибудь.

– А кто у нас муж?

Таня назвала холдинг и должность Павла.

– Ничего себе! Он наверняка моего тестя знает. Ещё неизвестно, что ему в голову взбрёт. Тань, я тебя очень прошу, не рассказывай ему ничего, пока не рассказывай. Надо всё обдумать.

Утром Таня делала всё, чтобы как можно реже сталкиваться с Павлом, и уехала на работу на пятнадцать минут раньше обычного.

2012. Флоренция. На ступеньках ресторана

«Зачем я убежала? – думала Таня. – Теперь жди его здесь, в темноте. Пойти в гостиницу? Я не помню дороги». Уже совсем стемнело. Фонарей рядом не было, а тусклого света от ламп над дверями домов не хватало, чтобы осветить углы и закоулки. Таня сделала несколько шагов по мощёной площади, но так и не решилась никуда пойти. Она порылась в своей сумке, нашла сигареты и зажигалку и закурила. Пока она курила, она разглядела, что улица, идущая влево, упирается в высокий парапет. Скорее всего, это был берег Арно. У Тани мелькнула мысль подойти туда и посмотреть, но она смутно видела чью-то мешковатую фигуру у парапета и подойти не решилась. Таня пыталась разглядеть, мужчина это или женщина.

Танин взгляд как будто разбудил этого человека. Он обернулся. Это был мужчина. Он оторвался от парапета и пошёл в сторону Тани. Танино сердце громко стукнуло и зачастило. Она сделала несколько шагов обратно к дверям ресторана. «Что же Паша сидит там так долго? Специально, что ли, тянет время, чтобы меня позлить?» Человек подошёл ближе. Таня встала на ступеньку у самых дверей. Она с изумлением узнала того пассажира с неприятным лицом, которого она видела в самолёте. Он тоже её узнал и молча ей поклонился. Таня ответила коротким кивком. Неприятный пассажир прошёл мимо. «Ничего удивительного. Город не велик, все ходят одними и теми же туристскими маршрутами», – подумала Таня. Тяжёлая дверь открылась, вышел Павел. «Что ты там делал так долго?» – раздражённым тоном спросила Таня. Павел протянул ей треугольную коробку, перевязанную ленточкой. «Твой шоколадный торт. Какая муха тебя укусила? Что с тобой происходит?»

– Процесс акклиматизации.

– Вот как? Я этого не учёл. Почему ты не пошла в отель?

– Я не помню дороги.

– Тогда пойдём и запоминай.

1987. Москва. Павел и его первая жена

Павел редко вспоминал свою первую жену Марину, но сегодня вспомнил. Танин побег из ресторана был вполне в духе Марины, хотя с Мариной он вряд ли бы закончился так мирно. Сейчас Павел вспоминал все её выходки и не мог понять, как он всё это вытерпел, причём целых четыре года. Правда, её истерики и скандалы с непременным битьём чего-нибудь всегда заканчивались слезами, бурными изъявлениями любви, неистовым сексом. Однажды его терпение лопнуло.

Ещё не прошло и полугода, как умер отец, мать, казавшаяся в семье командиром, вдруг совершенно растерялась, стала цепляться за Павла, предъявлять к нему странные требования. Она хотела, чтобы Павел жил с ней вместе, но на предложение сделать обмен и съехаться ответила отказом. Мама просила его поехать вместе с ней в санаторий, съездить с ней на рынок за продуктами – он должен был заместить ей отца. Павел посоветовался с её врачом, тот в своих рекомендациях был предельно чётко: помогать нужно, идти у неё на поводу нельзя. Она должна научиться жить самостоятельно. Павел занял такую позицию и в дополнение ко всему выслушивал по телефону мамины упрёки в чёрствости, в том, что он плохой сын, что если бы она знала и так далее...

Когда Марина сорвалась в очередной скандал, злоба и ярость вспыхнули с такой силой, что Павел встал и пошёл к ней с одним желанием: схватить её за горло и сделать так, чтобы она замолчала. По дороге он опомнился, а она испугалась и действительно замолчала. Павел развернулся, вышел в спальню, взял из-под кровати чемодан, покидал рубашки и бельё и уехал к матери. Марине потом позвонил и попросил её покинуть его квартиру в течение месяца.

Прошло почти два месяца, и Павел решил посмотреть, что творится у него в доме. У подъезда своей пятиэтажки он встретил крупного светловолосого мужчину с небольшой рыжей бородой. В руках у мужчины были знакомые чемоданы. У Павла мелькнула догадка, и она подтвердилась, когда из подъезда вышла Марина с двумя горшками герани в руках. Павел невольно оглядел её лёгкую фигурку, её смуглые, стройные ноги, и она заметила этот взгляд. Марина отдала горшки бородатому мужчине, подошла, обняла Павла прежде, чем он успел предупредить этот жест, и с чувством сказала ему: «Будь счастлив!» Павел проводил взглядом их отъезжающую машину и пошёл к себе. Войдя в дверь, он остолбенел: в квартире было пусто. Только в спальне осталась тахта, на которой они спали. Тахта была со сломанными ножками, чинёная им самим. На тахте грудой лежали его вещи.

2012. Флоренция. Танцы на площади

На обратном пути от ресторана они вышли на широкую по всем городским меркам улицу, дошли до площади. На площади в стороне от дороги танцевали люди под негромкую музыку, старую, довоенного звучания. Таня остановилась. Это было тоже пронзительно красиво, эти танцы в полумраке под трогательную музыку того – безмятежного времени. «Хочешь потанцевать?» – улыбаясь спросил Павел. «Нет, что ты! Пойдём домой». Они свернули на улицу, ведущую к их отелю.

Есть торт Тане совершенно не хотелось. Она поставила коробочку в холодильник и забыла о ней. Засыпая Таня подумала: «Если снять всё это на камеру, их ссору в ресторане, её ожидание в темноте, этого незнакомого мужика, молча поклонившегося ей, и эти танцы на безлюдной площади, – получится настоящий Феллини. Это не придумано. Это – Италия».

1989. Москва. Павел и его женщины

Теперь Павел вспоминает с иронической улыбкой свою тогдашнюю растерянность. Он выдержал характер, не стал с Мариной спорить, даже звонить ей не стал. Потом у травмированного Павла состоялась серия мимолётных встреч и коротких романов. Через год он не на шутку увлёкся молоденькой актрисой из театра Маяковского.

Оксана была блондинкой, но первый раз он её увидел в «Человеке из Ламанчи». Она была в чёрном парике и выкрашена морилкой для смуглоты. После спектакля, не снимая костюма и грима, она с подругой поехала к Пашиному приятелю, тогда же она и переспала с Павлом в соседней комнате. На следующий день он встречал её после спектакля с цветами и с трудом узнал в кудрявой блондинке свою смуглянку из прошедшей ночи.

Павла она ни в грош не ставила, могла завалиться среди ночи с пьяными приятелями, могла позвонить поздно вечером с просьбой забрать их с подругой из ресторана, где они не могли расплатиться. Однажды ему пришлось ехать за ней в Ленинград. Она осталась в гостинице без копейки денег, с просроченным паспортом. Приятель Павла, Женя, хлопал его по плечу: «Не переживай, Паша. Люди всю жизнь наступают на одни и те же грабли. Судьба – это характер». После первого отказа Павла выполнить её очередную сумасшедшую просьбу актриса с ним рассталась, но через месяц позвонила ему ещё раз. Нужно было вытащить её подругу с приятелем из отделения милиции.

По словам подруги, они всего лишь целовались в фонтане, но милиционер в описании событий употребил другой глагол. Павел поговорил с дежурным, и тот ребят отпустил, даже от денег отказался, сказал: «Если со мной по-человечески, я тоже по-человечески». На прощание Оксана пожала Павлу руку: «Спасибо тебе, Паша, хороший ты мужик, честное слово. Это мы – сукины дети». Она поцеловала его и ушла.

К выбору своей следующей женщины Павел подошёл рассудочно. Они познакомились в электричке. Он ехал с дачи, где помогал матери, она тоже навещала недавно овдовевшую мать. Проблемы были сходные, они разговорились. В её случае основная тяжесть маминых упрёков ложилась на её младшего брата, и она Павла хорошо понимала. Она была маленькая, не худая, но с фигурой, свои тёмно-русые волосы красила в каштановый цвет. С мужем развелась пять лет назад, растёт сын, ему одиннадцать. Попробовала жить с другим мужчиной, но сын два раза уходил из дома. Пришлось расстаться. Складывалась очень подходящая для них обоих комбинация.

В первый раз она вела себя с ним сдержанно, не выражая особенных чувств, давала понять, что играть в любовь не собирается, но после первой ночи изменилась, стала приветливой, старалась к его приходу приготовить что-нибудь вкусное, побаловать его. Заводилась она с пол-оборота, от одного звука его голоса по телефону и, когда он добирался до неё, уже смотрела на него глазками, масляными от желания. Павел впервые, кстати, увидел, что такое «масляные глазки». Приходилось ужин откладывать на потом и начинать с постели.

Павел забывал о её существовании через минуту после того, как за ним захлопывалась дверь. После встречи с Таней Павел позвонил, сказал, что женится, продолжать отношения не может. «Я понимаю», – протянула Валя. Голос был огорчённый, но без трагических ноток.

2012. Флоренция. Галерея Уффици

На следующий день они четыре часа ходили по галерее Уффици, Таня готова была бродить ещё, но усталый и голодный Павел почти насильно вывел её на улицу. Только оглядев знакомую площадь, залитую солнцем, Таня почувствовала, как сильно устала. Она еле дотащилась по нагретой за день брусчатке до магазинчика с джелато, и они зашли туда, чтобы посидеть под кондиционером. Приветливая флорентийка средних лет терпеливо ждала, пока синьор и синьора выберут себе мороженое. Таня взяла фисташковое пополам с шоколадным, Павел – простое белое и в него попросил вылить рюмку «Амаретто». Таня села за столик и оглянулась. Смуглая кареглазая флорентийка смотрела на Павла улыбаясь, и её взгляд явственно обозначал, что Павел ей нравится, что она не против, и Павел смотрел на неё с такой же улыбкой. Таня решила, что обращать внимание на этот мимолётный флирт как-то глупо, и отвернулась. После мороженого в прохладном кафе им обоим стало значительно лучше, и они медленно побрели в гостиницу отдыхать.

Москва. 1994. Объяснение

Воспоминание об этих днях Таня постаралась упрятать как можно глубже, но иногда, в плохие минуты, оно возвращается и опять заставляет её мучиться болью и стыдом.

Виктор не звонил три дня. Эти три дня она прожила, стиснув зубы. Хорошо, что у Паши было много работы, он приходил, она уже спала. Павел допоздна работал у себя в домашнем кабинете, там и ночевал на диване.

Таня совершенно измучилась. Утром, на третий день после Таниной встречи с Виктором, она, сидя напротив Павла за завтраком на кухне, сосредоточенно молчала, глядя в пустую чашку из-под кофе. Павел мягко сказал ей: «Таня, нельзя так напряжённо думать об одном и том же. Пробки перегорят». Таня встрепенулась: «Знает!», но Павел, как всегда, поцеловал её перед уходом на работу и вышел. «Знает. Определённо знает. Да. Так нельзя», – решила Таня. На работе она попросила Валеру разыскать Витин телефон. Через полчаса Валера продиктовал Тане два номера.

Таня позвонила. «Таня, ты?» – спросил Виктор и почему-то засмеялся. Он не мог разговаривать, обещал перезвонить. Пока Таня ждала его звонка, она вспомнила. Витя сам ей рассказывал, что если девица с гонором, с характером, то самое лучшее сначала упорно ухаживать, добиться своего, переспать, а потом пропасть дня на три. Таня ещё раз набрала Витин номер телефона.

– Вить, не надо со мной играть в эти игры! Что будем делать? Я не могу больше тянуть.

– Таня, ты пойми меня... я не хотел по телефону. Я тебя очень люблю, но так уж получилось, что наши пути разошлись. Что делать... Я не могу сейчас всё потерять, полностью перекрыть свою жизнь, а ты не можешь по-другому. Я понимаю, что я сволочь, конъюнктурщик, но не могу... Я думаю, тебе не стоит рассказывать Павлу о том, что было, зачем причинять ему лишнюю боль? Прости меня, Таня! Прости.

И он повесил трубку. Таня какое-то время слушала короткие гудки. В голове было пусто, как будто блок стоял и не позволял думать о том, что произошло. Таня на автомате доработала до конца рабочего дня. Накатило на неё на обратном пути, за рулём. Она вспомнила, как сдавалась без сопротивления, как испуганно целовала его в подъезде, как первая заговорила о том, чтобы жить вместе, как аккуратно и расчётливо Виктор уходил от этой темы. И эта пошлая квартира, набитая безвкусным дефицитом советских времён. И эти упражнения в постели, напоминавшие спортивную гимнастику. От внезапно нахлынувшего чувства унижения и стыда у неё просто корчи начались. Она вынуждена была приткнуть машину к тротуару и посидеть, облокотившись на руль.

Дома Таня с трудом приласкала дочь, попросила няньку задержаться. Нужно было приготовить обед, и Таня достала из холодильника бульон, отлила в кастрюльку, взяла из морозилки пачку мороженных овощей. На второе ещё есть две котлеты и гречка, только разогреть. Она поставила бульон на огонь и начала резать овощи для салата. Таня услышала, как хлопнула дверь. «Павел! Как рано. Как некстати».

Павел заглянул в кухню. Таня обернулась к нему: «Ещё не готово. Я тебя позову». Она посмотрела прямо ему в лицо, наверное, в первый раз за эту неделю. В её глазах была такая смесь боли, ярости и ещё чего-то, что Павел на мгновение застыл на месте. «Хорошо. Я буду у себя, поработаю».

Таня стиснула зубы. «Зачем он делает вид, что ничего не замечает? В доме только что искры не летают, такое электричество в воздухе. Нянька прячется по углам, Ляля капризничает». Тане хотелось закричать, пошвырять всё вокруг себя, разбить что-нибудь, а она вынуждена варить суп, потому что Паша дома и у них всё хорошо. Все довольны, все смеются. Таня почувствовала, что сейчас сорвётся в истерику и завизжит. Она схватила половник, зачерпнула

кипящий бульон и плеснула на внутреннюю сторону руки у локтя. Боль была адская, Таня дико закричала.

Павел из кухни прошёл в кабинет и сел за стол. Что происходит? Она решила объясниться? Или у них что-то произошло? Как она может думать, что никто ничего не замечает? Нянька смотрит на них испуганно и старается не показываться на глаза. В этот момент он услышал Танин крик.

2012. Флоренция. Что происходит?

Павел и Таня лежали раздетые на кровати. Потолочный вентилятор разгонял воздух и приятно обдувал их тела. В галерее они опять едва не поссорились. Таня зависла в залах с искусством ранним, тринадцатого-четырнадцатого века, и Павел еле оторвал её. Галерея огромная, каждая работа – шедевр, жаль, если на поздние вещи не останется времени и сил. Но последние залы Таня прошла, особо не разглядывая, вполне равнодушно, хотя с точки зрения Павла именно это искусство было совершенно.

«Что-то мы часто стали ссориться, – думал Павел. – Что она находит в этих узкоглазых мадоннах, в этих младенцах с непропорционально длинными бледными телами, в этих бесконечных застывших складках плащей и платьев, в деревянных неестественных позах?» Павел лёг на постель, вытянул усталые ноги. Он покосился на Таню. Таня лежала, закрыв глаза.

«Что с ней творится? Откуда эти слёзы, неожиданные обиды? Может, у неё кризис среднего возраста? Или это реакция на уходящую молодость?» Тут его дёрнуло током: «Может, она узнала что-нибудь? Вряд ли она знает. Если только его кто-то выследил. Но для этого нужно целенаправленно следить. Таня этого делать не будет. Тогда кто? Кому это могло бы понадобиться? Никому». Павел встал, взял свой лэптоп, сел за стол. Нужно посмотреть, что у них творится на работе.

1994. Москва. Как больно!

Сейчас трудно себе представить, какой ужас Павел тогда испытал, услышав её крик. Он прибежал на кухню. Таня раскачивалась с вытянутой вперёд рукой и продолжала вскрикивать. Павел быстро оценил валяющийся половник, место ожога. «Дура!» – крикнул он, сморщившись, переживая её боль, и схватился за подсолнечное масло. «Нет-нет! – закричала Таня. – Возьми марганцовку на полке в ванной возьми чуть-чуть разведи в кипячёной воде вода в чайнике сделай розовую не тёмную розовую в большой кружке кружка здесь». Она сказала это скороговоркой, шипя от боли, и постучала ногой по шкафчику. Прибежавшей няньке крикнула: «Принеси Лялин старый подгузник марлевый!» Нянька убежала. Павел полил раствором марганцовки Тане на руку. Нянька смочила подгузник в оставшемся растворе, отжала, Павел замотал в него место ожога. На Таню надели старое пончо, и Павел повёз Таню в ожоговый центр. Таня держала больную руку другой рукой под пончо. Она откинулась на сиденье, тихо произнесла: «Больно, Паша, больно!» и заплакала. «Потерпи, Таня, потерпи! Сейчас тебе помогут, станет легче».

Врач похвалил Таню за грамотное поведение при ожоге, уверил Павла, что следов не останется. Таню увели медсёстры и вернули уже успокоившуюся, с толстой повязкой на руке. На перевязку нужно было приехать через три дня. На обратном пути Таня уснула. Павел поглядывал на неё спящую. «Что же это было? Он её бросил? Разругались? Опять изменил? Неужели ей было так невыносимо, что она... Сумасшедшая. Как там врач сказал? И следа не останется? Это вряд ли».

Флоренция. 2012. Отдых

«Почему меня так трогает именно это? – думала Таня. – Тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый век, потом всё кончается. То, что было потом, мне сейчас неинтересно. Что происходит? Я хожу и постоянно сдерживаю слёзы. Паша обижается, что я ему ничего не говорю. Он не может понять, что со мной творится. И я не могу этого понять».

– Паш! Мы сегодня ещё куда-нибудь пойдём?

– Нам бы неплохо часам к четырём подойти к Санта Марии Флорентийской, к Дуомо. По дороге можем пообедать.

– Я ещё полчаса полежу и пойдём.

Таня кинула себе в ноги обе подушки из-под головы и положила на них гудящие ноги. Павел оглянулся.

– Сделать тебе массаж?

– Д-давай.

Павел подошёл, сел к Тане на кровать, положил к себе на колено её ногу и начал умело гладить мышцы голени снизу-вверх, потом стал разминать их крепкими пальцами. Таня чувствовала, как под его руками разбегается кровь, ощущения были приятными, Таня постанывала. Павел пересел на другую сторону кровати и проделал то же самое с её второй ногой, потом его рука скользнула выше колена, массаж превратился в ласку. Таня лежала в одном белье, Павел сдвинул ляпочки её бюстгальтера и продолжал её целовать и гладить. Таня отдавалась его ласкам, боясь спугнуть его настрой.

Они уже очень давно не занимались любовью днём или вечером. Их соития стали реже и переместились на утренние часы, сразу после сна, не вставая с постели. В эти часы типичная сова Таня была готова убить любого, кто попытается её разбудить. Секс с годами потерял свой бурный характер и стал чем-то вроде семейного ритуала. Теперь он свёлся к одной единственной позе, той, которая позволяла не испытывать утром неловкости из-за нечищенных зубов и несвежего дыхания.

Таня несколько раз говорила Павлу, что получает мало удовольствия от утреннего секса, но он упорно продолжал это делать утром, и Таня смирилась. Сейчас ей было так хорошо, как давно уже не случалось. Неожиданно Павел встал на колени и повернул Таню на бок. Верхнюю её ногу он согнул в колене, её нижняя нога была теперь между его ног, он подтащил Таню ближе к себе и продолжил. Поза была удобная и эффективная, это Таня сразу почувствовала и оживилась, но Таня не помнила такой в их с Павлом практике. Они много всего перепробовали, но так не делали. Тане это наблюдение не помешало, но запомнилось.

1994. Москва. «Бес попутал»

Следующие три дня Таня почти не выходила из спальни. Она плохо себя чувствовала, её знобило. На четвёртый день Павел пришёл домой рано, чтобы отвезти Таню на перевязку. Он открыл дверь в прихожую и услышал, как зазвонил телефон, стоявший в гостиной. Таня подошла, взяла трубку. «Витя?» – удивилась она. Павел замер в прихожей. «Разве ты не всё сказал?» – холодно спросила Таня. Она помолчала. «Нет, Витя, я не передумала. На меня твои методы не действуют. Никуда я не поеду. Не звони мне больше». Таня молчала, слушала, что ей говорил Виктор. «С чего ты взял? Я тебя не люблю. Что это было? Бес попутал, Витя. Бес попутал. Ты, Витенька, не бойся, я Паше ничего не скажу. Спи спокойно, дорогой товарищ». Таня повесила трубку. Павел на цыпочках вышел за дверь, прикрыл дверь за собой, стараясь не щёлкнуть замком, и позвонил. Таня открыла. «Ключи забыл. Ты помнишь, что нам на перевязку?» Таня выглядела грустной, но была спокойна. Вечером, когда нянька уложила Лялю и ушла, Павел попробовал Таню обнять. Она отклонилась. «Осторожно. Ещё болит. Давай повременим», – и посмотрела Павлу прямо в глаза. «Догадалась», – понял Павел.

Через две недели ей оставили лёгкую повязку, только чтобы защитить новую слабую кожу. Таня постелила в спальне свежее бельё и зашла к Павлу в кабинет. «Перебирайся в спальню. У меня выросла новая кожа. Я больше не кусаюсь». «Иду, достопочтенная госпожа Ногайна», – отозвался Павел. Что-то неуловимо изменилось. Она была прежняя Таня и всё-таки не совсем его. Какая-то часть её была для него закрыта.

Флоренция. 2012. Дуомо

Павел переоделся, Таня быстро приняла душ, и они отправились на главную площадь Флоренции. Около Дуомо Таня в киоске увидела клубнику в лотках. В России ещё только снег сошёл, до своей клубники было далеко.

– Я хочу клубнику.

– Тань, зачем она тебе? Ранняя парниковая клубника наверняка кислая.

– Я. Хочу. Клубнику.

– Да ради бога! Ты её выкинешь.

Таня и Павел подошли к киоску. «Выбирай», – раздражённо бросил Павел. Таня выбрала лоток. Павел заплатил.

– Как ты её помоешь?

Таня на мгновение растерялась, но тут же оглянулась вокруг и увидела фонтанчик с питьевой водой. Клубника оказалась ароматной и сладкой. Таня предлагала клубнику Павлу, он отказывался, но потом сдался и съел несколько ягод. Они вышли на площадь. Таня опять разволновалась. Павел не выдержал.

– Почему ты молчишь?

– Боюсь расплакаться.

– Отчего вдруг?

– Оттого что красота неопишная. Дай фотоаппарат, я сфотографирую.

Они зашли внутрь, обошли собор.

– На колокольню полезешь?

Павел смотрел на Таню с насмешливой улыбкой.

– Обязательно полезу.

Таня очень устала, пока дошла по лестнице до первого уровня обзора с каменными скамейками для отдыха. Вид уже отсюда открывался потрясающий, но Таня с передышками всё же добралась до самого верха колокольни. Она смотрела на уходящие вдаль треугольные крыши, покрытые черепицей всех оттенков терракоты: от тёмно-красного, старого, до ярко-рыжего – нового, на далёкие громады соборов и думала: «Я совсем сошла с ума и веду себя как неуправляемый подросток. Почему на меня так действует этот город? Что в нём такого? Это особенная красота, её создали люди, жившие сильными чувствами, страстями. Одного трудолюбия недостаточно, чтобы создать всё это».

Павел закончил фотографировать, они вместе спустились вниз и поспешили перейти к Баптистерию, окружённому туристами. К знаменитым дверям было не пробиться. В Баптистерии перед огромной старой мозаикой Таня опять прослезилась.

1995. Павел. Опять Валя

После той истории Павел старался не думать о том, что было между Таней и её бывшим мужем, но воображение рисовало картины, от которых его бросало в пот и накатывала такая боль, что Павел боялся не сдержаться и сказать Тане что-то, что говорить не следовало, или сделать что-нибудь, о чём потом придётся пожалеть. И он позвонил своей прежней подруге Вале. «Паша, ты? – обрадованно спросила Валя. – Хочешь заехать?» Он приехал. Они сразу отправились в постель. Павел довольно грубо придвинул её голову к своему паху, и она, не сопротивляясь, сделала то, что он хотел, сначала неумело, потом, с его подсказками, всё лучше и лучше. Теперь она позволяла всё и её покорность доставляла Павлу особое удовольствие. После того как они с Таней помирились, совсем помирились, Павел собирался с Валей порвать, но, боясь повторения той боли, которую перенёс, не порвал. Они продолжали встречаться иногда раз в две недели, иногда раз в месяц, как получалось. Потом Валя вышла замуж, предупредила, чтобы Павел не звонил. Через несколько месяцев позвонила сама. Эта связь с перерывами тянулась до сих пор. Они изредка встречались за городом в доме её матери. Мать давно переехала к брату под Тулу.

Старую подругу Валу сменила Изабелла, смуглая, скуластая татарка Изабелла, много моложе Вали. Валя сама их познакомила, передала с рук на руки. Изабелла, Валя звала её Белкой, была замужем, муж пять лет назад уехал на заработки и пропал. Отношения за много лет стали приятельскими, Павел не раз выручал подруг деньгами, часто дарил подарки, привозил деликатесы и хорошее вино. Каждый раз, когда Валя или Белка ему звонили, он думал, что пора закончить эти отношения, но каждый раз откладывал.

2012. Флоренция. Уличный базар

На улице Павел сверился с картой города и махнул рукой, задавая направление. Таня даже не спросила, куда они идут, просто пошла по улице в этом направлении. Они вышли к базару. На площади под тентами, натянутыми на небольшие сборные конструкции, висели разноцветные шарфы, шали, расшитые блузки, юбки, кожаные сумки всех цветов и размеров, стояла фаянсовая посуда, лежали на лотках украшения из серебра с недорогими камнями, бижутерия, мужские ремни, портмоне. Таня начала перебирать шарфы, отобрала три, потом взяла четвёртый, обернулась к Павлу. «Зачем тебе столько? Да ещё на барахолке? Мне не жалко денег, но не на это же...» Паша смотрел на жену. Она молчала, глаза её сузились. «Не надо смотреть на меня как на врага! Вот деньги, делай что хочешь!» – он отдал ей всё, что было в его кармане. Таня заплатила за шарфы, перешла к другому продавцу. Примерила белую блузу с вышивкой ришелье, купила её и ещё одну блузу, бирюзовую с воротником апаш, перешла к сумкам, купила большую сумку-мешок из рыжей свиной кожи.

Павел молча смотрел на её покупки, с трудом сдерживая раздражение. Обычно она советовалась с ним, когда что-то себе покупала, сейчас даже не оглянулась на него ни разу. Наконец они покинули рынок. Покупки Таня сложила в свою новую сумку, сумку повесила на плечо. Таня была в белых джинсах и тёмно-синей майке, на ногах – закрытые босоножки из коричневой кожи на танкетке. Новая сумка смотрелась на ней вполне органично. Таня остановилась и, покопавшись в сумке, достала один из шарфов, цветной, бело-сине-рыже-коричневый, с белыми кисточками на концах. Она набросила его на шею, и Павел не мог не отметить точное попадание в цвет и стиль этих, казалось бы, беспорядочных покупок.

С тех пор как Таня стала работать в магазине, она вернулась к вкусам юности и одевалась с божественным шиком в разные цветные или кружевные размахайки с джинсами, длинные юбки, свободные платья. Она с её безошибочным чутьём сразу же поменяла причёску, сделала химию и вместо гладких волос до плеч с тех пор носила шапку мелкозавитых кудрей, разделённую на косой пробор, только волосы теперь приходилось подкрашивать – появилась седина.

Они прошли к гробнице Медичи. Пока Павел с любопытством осматривал скульптуры, Таня быстро обошла их и стояла, разглядывая толпу. Они направились обратно к отелю той же дорогой. Было уже около семи, рынок опустел. Последние торговцы укладывали металлические палки конструкций и клетчатые сумки с товарами в видавшие виды «Фиаты», судя по их странному очертаниям, бог знает какого года выпуска.

Москва. 1995. Прощай программирование

Тане вряд ли пришло бы в голову пойти работать в антикварный магазин, если бы не тот скандал, из-за которого она ушла от Валеры и рассталась с программированием. Всё началось с того, что Павел должен был поехать в командировку в Австрию на месяц, а может, и на больше. Он хотел, чтобы Таня поехала с ним. Таня тоже хотела погулять по Вене, попробовать венский шницель и венские пирожные, съездить в Зальцбург на родину Моцарта, покататься на лыжах, если, конечно, Пашин график позволит. Свой отпуск Таня уже отгуляла: две недели на даче с дочкой и две недели втроем на Кипре. Она решила поговорить с Валерой. Валера выслушал её и сказал: «Я не против. Поезжай в Вену, за свой счёт, конечно. Но ты мне будешь должна. Вернёшься – пойдёшь в Минавтопром, выяснишь, какие у них претензии и почему они нам не хотят платить. Хорошо бы тебе подружиться с этой бабой, их главным бухгалтером».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.